

Закат Солнца, Восход Стали

Книга вторая
Гром над океаном

О. Ветров

Олег Ветров

**ЗАКАТ СОЛНЦА.
ВОСХОД СТАЛИ 2**

«Автор»

2026

Ветров О. В.

**ЗАКАТ СОЛНЦА. ВОСХОД СТАЛИ 2 / О. В. Ветров —
«Автор», 2026**

Они сломали хребет империи. Теперь империя идёт за ними. Испания не прощает поражений. Король Карл V, властелин половины мира, собирает армаду. Сто кораблей. Двадцать тысяч солдат. Пушки, сталь, крест и золото. Его цель — стереть Теночтитлан с лица земли и наказать дерзких язычников, посмевших бросить вызов богу и королю. Ацтекам нужен флот. Нужен дуб для кораблей. Нужны союзники — даже если это вековые враги. Им нужно время. Испанцам — скорость. Кто успеет первым? Соболев ведёт свой народ к океану. Король ведёт свою армаду к Теночтитлану. Их встреча неизбежна. Их битва сломает хребет империи. Но на самом дне океана, под обломками кораблей и звоном сабель, один испанский солдат поймёт страшную правду: «Дикарей больше не было. Была новая империя».

© Ветров О. В., 2026

© Автор, 2026

Олег Ветров

ЗАКАТ СОЛНЦА. ВОСХОД СТАЛИ 2

«Закат солнца, восход стали»

Книга вторая: «Гром над океаном»

ГЛАВА 1

Город, который перестал бояться

Раздел 1. «Утро, которое пахнет железом»

Соболев проснулся за час до рассвета.

Это была старая привычка, которую не могла убить даже война. Тело поднималось беззвучно, как будто внутри работал механизм, заведённый много лет назад и не знающий сбоя. Он не открывал глаз — сначала рука сама нащупала пистолет под циновкой. Холодный, надёжный металл. Пальцы проверили предохранитель, передёрнули затвор, дослали патрон. Всё на месте. Пистолет был заряжен, смазан и готов к бою, как и он сам.

Он сел на койке, потёр лицо ладонями, прогоняя остатки сна. В голове всё ещё стояла тяжесть — сон не отпускал его до конца. Снился Артём. Снилось, что он стоит на причале в Твери, а вместо Волги — чёрное озеро, и на том берегу — пирамиды. Артём звал его, махал рукой, кричал что-то, что Соболев не мог разобрать. Он пытался шагнуть в воду, но ноги не слушались, как будто приросли к деревянным доскам. Он смотрел, как Артём уходит в темноту, и не мог ничего сделать.

Проснулся с колотящимся сердцем, выругался сквозь зубы и встал.

За окном его комнаты во дворце — том самом, где когда-то жрецы требовали его крови, — уже шумел город. Соболев подошёл к окну, раздвинул занавески — грубую ткань, сотканную ацтекскими женщинами, — и посмотрел вниз.

Теночтитлан просыпался.

Это был не тот город, который он увидел в первую ночь, когда его вели на жертвенник. Тогда здесь пахло дымом, кровью и страхом. Тогда улицы были тёмными, полными теней и шёпота. Тогда люди прятались по домам, боясь богов и жрецов.

Теперь город был другим.

Он перестал бояться. Он научился строить, работать и убивать. Три года войны, три года железа, три года крови — и вот результат. Тысячи домов, сотни мастерских, десятки кораблей. Каналы, по которым шли лодки с рудой и древесиной. Пирамиды, на вершинах которых больше не требовали жертв — там работали паровые машины. Статуи богов, отлитые из железа, из рук которых бил пар.

Город жил. Он дышал, работал, рос. И в этом городе не осталось места для страха.

Соболев надел берцы — старые, потёртые, с подошвой, которая держалась на честном слове и молитве. Натянул куртку — ту самую, чёрную, с потёртыми локтями и въевшимся запахом пороха, который не выветривался даже после стирки. В левом внутреннем кармане — запасной магазин к «Глоку». В правом — сам «Глок». Он проверил его ещё раз, передёрнул затвор. Щелчок прозвучал резко, как выстрел, и разогнал последние остатки сна.

Пора.

Он открыл дверь и вышел в коридор. В тот же момент навстречу ему вышла Яолли. Она уже была на ногах — кормила маленького Севу, которому исполнилось восемь месяцев. Мальчик тянул пухлые ручки к материнской груди, жадно причмокивая, а свободной рукой хватал её за длинные чёрные волосы. Яолли не морщилась — она привыкла к этому за месяцы кормления. Её лицо, когда-то острое, почти хищное, теперь стало шире — не мягче, а как будто

более обстоятельное, взрослое. Но глаза — те же. Чёрные, глубокие, с тем самым прищуром, от которого у воинов подкашивались колени. Они не потеряли своей силы. Они стали только глубже.

Она не спала. Соболев видел это по теням под глазами — серым, почти чёрным кругам, которые выдавали бессонную ночь. Не спала уже вторую ночь. Сева болел — у него резались зубы, он плакал, кричал, не давал ей сомкнуть глаз. Она сидела с ним, баюкала, кормила, меняла мокрые пелёнки. И не жаловалась. Никогда.

— Опять не спал? — спросила она, не поднимая головы.

— Спал. Мало. Ты тоже.

— Я не сплю, когда он не спит. — Она кивнула на Севу. — Он кричит. Ты не слышишь.

Привык к выстрелам.

— Привык. Но его крик слышу.

— Тогда помог бы.

— Умею только убивать. И лечить — не умею. Тенек с этим справляется лучше.

Яолли усмехнулась — той самой кривой усмешкой, которую Соболев узнал ещё в тот день, когда они встретились на поле для стрельб. Тогда она была воином, который не боялся смерти. Теперь она была матерью, которая боялась за жизнь сына больше, чем за свою.

— Идёшь посмотреть на город? — спросила она, перекладывая Севу к другому плечу.

— Идём.

— Возьми сына. Пусть видит, что построил его отец.

— Он не поймёт.

— Поймёт. Не сейчас — потом.

Соболев взял Севу на руки. Мальчик перестал хныкать — замер, глядя на отца широко открытыми глазами. Серьёзно, как будто оценивал его, решал, достоин ли этот человек называться его отцом. Потом улыбнулся — беззубой, младенческой улыбкой, от которой у Соболева что-то сжалось внутри.

Он кивнул.

— Идём.

Они вышли из дворца. Солнце только начинало подниматься над озером, окрашивая воду в золотой и розовый. Город встречал новый день.

Раздел 2. «Школа Лены. Казарма для волчат»

Первой остановкой была баржа.

Лена, немецкая студентка, которую Соболев помнил по первому совету — той самой ночи, когда решалась судьба Теночтитлана, — организовала школу на плавучей платформе. Три старых пироги, связанных вместе верёвками и железными скобами, накрытых огромным тентом из хлопка, пропитанного смолой, чтобы не протекал. Внутри были скамьи, выструганные из местного кедра, доска из дубовой доски, закопчённая от углей, и несколько свечей, которые Лена берегла для вечерних занятий.

Когда Соболев вошёл с Севой на руках, внутри уже шёл урок.

Лена стояла у доски и писала углём цифры — ровные, аккуратные, без единой поправки. Она писала медленно, но уверенно, выводя каждый знак с такой тщательностью, будто это было не просто число, а оружие. Дети хором повторяли за ней: «Уно — дос — трес». Счёт на испанском. Лена настояла на этом сама: «Знать язык врага — значит знать его мысли. Мы не можем победить их, если не понимаем, как они думают».

Детей было тридцать. Только мальчики — от двенадцати до шестнадцати. Лена пробовала брать девочек — родители пришли с копьями. «Наши дочери будут рожать детей, а не считать порох», — сказали они. Лена спорила, кричала, швыряла книги — она вообще была горячее, когда дело касалось справедливости. Ей сказали: «Ты чужая. Тебе здесь не указывать». Она тогда впервые при Соболеве заплакала — не от обиды, от бессилия. На следующий

день пришла с твёрдым лицом и сказала: «Тогда я буду учить мальчиков. Но учить так, чтобы их сёстры не стыдились брать в руки книгу, когда вырастут».

С тех пор она не плакала. Она вообще перестала улыбаться — после того, как похоронила двоих учеников. Мальчики подорвались на порохе, когда пытались зарядить пушку по её чертежам. Ошибка была не её — они неправильно поняли инструкцию. Но Лена считала себя виноватой. Она стояла у их могил и молчала три часа. Потом вернулась к доске и продолжила урок.

Увидев Соболева, она не отложила уголь — только кивнула. Она не улыбалась ему, не здоровалась громко. Она просто кивнула и продолжила писать.

— Ты рано, — сказала она, не поворачивая головы.

— Не спится.

— Мне тоже. — Она кивнула в сторону детей. — Вчера один парень спросил: «Почему мы учимся считать? На войне нужны копыя, а не цифры».

— И что ты ответила?

— Что без цифр не рассчитать порох. Что без цифр пушка бьёт в своих. Что если он хочет командовать, он должен уметь считать быстрее врага.

— И он?

— Сел и начал решать примеры. Злой. Но решал. — Она повернулась к нему. — Сев. Я не учительница. Я надзиратель. Они не хотят учиться. Они хотят воевать. Я заставляю их сидеть на месте. Это как дрессировать волков. Если волк не слушается — он либо умрёт в бою, либо убьёт своих. Я не хочу, чтобы они умирали. Поэтому я злая.

— Ты не злая. Ты справедливая.

— Для них это одно и то же.

Сева на руках Соболева засопел — он смотрел на детей с любопытством, с лёгким испугом. Они были старше его, громче, быстрее. Но он не плакал. Он просто смотрел.

— Не задерживайся, — сказала Лена, возвращаясь к доске. — У нас ещё таблица умножения. Кто не выучит — будет чистить пушки. Голыми руками. Окалина сдирает кожу до мяса. Они это знают. Поэтому учат.

Соболев вышел. Сева на его руках смотрел на учительницу, пока дверь не закрылась.

Раздел 3. «Госпиталь, где смерть отступила, но не ушла»

Дон Эрнесто, мексиканский кардиохирург, развернул госпиталь на том месте, где раньше был рынок рабов. Три года назад здесь пахло кровью, страхом и потом — ацтеки продавали друг друга испанцам, меняя жизнь на железные бусы и стеклянные побрякушки. Теперь рынок был снесён, и на его месте стояли белые палатки, натянутые между деревянными столбами. Внутри — операционные столы, шкафы с травами, банки со спиртом и кипячёные бинты.

Когда Соболев вошёл, в палатах лежало человек сорок. Раненые с учений — взрыв парового котла на прошлой неделе унёс жизни двоих, трое были покалечены, один лишился руки. Больные лихорадкой — несколько женщин и детей, которые подхватили заразу с озёрной воды. Несколько стариков, которые просто ждали своей смерти и не боялись её.

Дон Эрнесто стоял у операционного стола, перевязывая молодому ацтеку руку. Парень был бледный, с серым оттенком кожи — он потерял много крови, когда ему оторвало два пальца осколком металла. Он терпел молча — только стиснул зубы так, что желваки ходили ходуном.

— Скажи ему, чтобы не сжимал челюсть, — сказал дон Эрнесто Соболеву, не поднимая головы. — Сломает зубы. Боль — это не стыдно. Кричать — не стыдно.

Соболев перевёл. Парень посмотрел на него мутными глазами, кивнул, расслабил челюсть. Но не закричал. Только выдохнул — длинно, сквозь зубы, как змея.

Дон Эрнесто закончил, отступил на шаг, осмотрел работу. Шов был ровным, аккуратным — два ряда, чтобы не расходился. Швы дон Эрнесто научил ацтекских знахарок делать.

Они сначала резали трупы животных, потом трупы врагов, потом перешли на живых. Одна знахарка, молодая, с длинной чёрной косой и огромными тёмными глазами, плакала, когда училась. Теперь не плачет. Привыкла.

— Тенек, — позвал дон Эрнесто.

Старая ацтекская знахарка, та самая, что зашивала Соболева после боя с Койотлем, подала банку с мазью — травяной, пахнувшей смолой, мёдом и чем-то едким, от чего щипало в носу. Она не смотрела на пациента. Она смотрела на Соболева. Всегда на него.

— Твой шрам не болит? — спросила она на ломаном испанском. Кивнула на его бедро, на то место, где заживала старая рана.

— Не болит.

— Врёшь. Тенек знает. Болит к сырой погоде. Осенью будет нить. Но ты не жалуйся. Ты мужчина. Мужчины не жалуются. Умирают молча.

Она повернулась к пациенту и начала втирать мазь в его культю. Парень зашипел, но не закричал.

— Почти не гноится, — сказал дон Эрнесто, вытирая руки ветошью, пропитанной спиртом. — Полгода назад такие раны убивали каждого третьего. Теперь — каждого десятого.

— Прогресс, — сказал Соболев.

— Прогресс — когда ни один не умирает. — Дон Эрнесто бросил ветошь в таз с кипятком. — До этого нам ещё далеко. Но мы идём.

Он посмотрел на Соболева.

— Миссис Голдберг умерла.

Соболев замер. Голдберг — старая еврейская женщина, которую привезли с собой беженцы из Испании. Она была тихой, молчаливой, всегда носила чёрный платок и молилась невидимым богам.

— Когда?

— Вчера. Старость. Сердце. Просто уснула и не проснулась. Сын пришёл утром, сказал: «Мама больше не дышит». Я проверил. Всё правильно. Не вернуть.

— Она была...

— Она была счастлива? — Дон Эрнесто усмехнулся — сухо, безрадостно. — Последние месяцы — да. Пришила пуговицы к пальто. Носила его каждый день — даже в жару. Говорила, что теперь готова к зиме. Даже если зима не наступит.

Он помолчал, отвернулся к шкафу с травами и банками.

— Я положил ей в руку пуговицу. Сын не возражал. Сын уже не надеется вернуться домой. Он надеется, что его дети увидят снег. Не он.

Дон Эрнесто не повернулся к Соболеву. Его плечи были напряжены, как будто он нёс на себе тяжесть всех умерших.

— Иди. Тебя ждут другие. Мёртвых не вернуть. А живые — ещё дышат.

Соболев вышел.

Раздел 4. «Кузнечный квартал. Где железо становится кровью»

Теночтитлан больше не обходился одной кузницей Ицтли.

За три года вокруг старой печи, которую Соболев видел в первую ночь своей новой жизни, вырос целый квартал. Сотни мастерских — больших и маленьких, с высокими трубами и низкими крышами, с навесами и без, с каменными стенами и глиняными. Здесь день и ночь ковали, плавил, отливали, закаливали. Железо, сталь, бронза, медь — всё это рождалось в печах, превращалось в оружие, инструменты, детали. Воздух здесь был горячим, сухим, пахло раскалённым металлом, углём и потом.

Всё началось с Ицтли — старого кузнеца с лицом, изрезанным морщинами как старая карта, и руками, покрытыми шрамами от ожогов, которые он получил ещё до того, как Соболев научил его делать сталь. Он был человеком, который не умел сдаваться. Когда у него ломалась

печь — он чинил её. Когда кончался уголь — он находил новый. Когда ученики умирали от ожогов — он учил новых.

— Ты научил меня делать сталь, — сказал он Соболеву в тот первый год. — Теперь я научу других.

И он научил.

Он отобрал сорок учеников — самых способных, самых терпеливых, тех, кто не боялся огня и не отворачивался от смерти. Он учил их варить руду в сыродутных печах, отливать заготовки в глиняные формы, ковать сталь, закаливать её в масле, отпускать на медленном огне. Он учил их читать чертежи, которые рисовал Химик — странные рисунки, которые никто из ацтеков не мог понять, пока Ицтли не объяснял им принцип работы. Он учил их делать одинаковые детали — чтобы подходили друг к другу, как пальцы на руках.

— Допуск, — говорил Соболев.

— Не знаю этого слова, — качал головой Ицтли, но улыбался. — Знаю, что если деталь не подходит — котёл взрывается. Люди умирают. Мы делаем так, чтобы детали подходили.

Кузнечный квартал рос. Появились специалисты: одни плавил руду, другие ковали ножи и наконечники, третьи делали пружины для арбалетов, четвёртые лили пушки. Ицтли больше не стоял у наковальни — он ходил между мастерскими, проверял, советовал, ругался. Его слово было законом для всех кузнецов. Если он говорил «плохо», деталь переделывали. Если он говорил «хорошо», её принимали без вопросов.

Когда Соболев зашёл в главную кузницу, Ицтли стоял у горна, поднимая заготовку на свет. Она была раскалена добела, и он поворачивал её в руках, оценивая качество металла.

— Ицтли, — сказал Соболев. — Нужно новое оружие.

— Какое?

Соболев выложил на стол лист бумаги с чертежом. Химик рисовал его три дня, вспоминая лекции по материаловедению и уроки ОБЖ, где учитель когда-то рассказывал о бронежилетах. Чертеж был сложным: слои ткани, переплетённые волокна, система застёжек.

— Кевлар, — сказал Соболев.

Ицтли посмотрел на чертёж, потом на Соболева.

— Что это?

— Ткань. Которая останавливает пули. Её делают из нефти. У нас есть нефть. Есть химик, который знает технологию. Есть женщины, которые умеют ткать. Мы можем сделать броню, которую не пробивает аркебуза.

— Из нефти? — Ицтли усмехнулся. — Нефть — это вонючая вода, которая горит. Как из неё сделать ткань?

— Химик объяснит.

Химик уже стоял в дверях, держа в руках стеклянную колбу с мутной жидкостью. Он не спал третьи сутки — его глаза были красными, слезящимися, но горели лихорадочным блеском. Он был худым, почти истощённым, его руки тряслись от недосыпа и переутомления. Но он держал колбу так, будто в ней была его жизнь.

— Полиамид, — сказал он. — Волокно. Вытягивается из расплава. Если переплести правильно — получается ткань, которая прочнее стали.

— Покажи, — сказал Ицтли.

Химик развернул кусок материи — бледно-жёлтый, гладкий, с лёгким блеском, как у шёлка. Он сам вытянул волокна из расплава на самодельном станке, сам сплёл их на ручном ткацком станке, который сконструировала Лена. Сам провёл испытания.

— Стреляй, — сказал он Соболеву.

Соболев достал пистолет, отошёл на десять шагов, выстрелил. Пуля ударила в ткань, растянутую на деревянной раме. Ткань прогнулась, но не порвалась. Пуля застряла в ней, повиснув на нитях, как муха в паутине.

Ицтли подошёл, потрогал дыру. Провёл пальцем по краю. Потом достал нож и попытался разрезать ткань — лезвие скользнуло по поверхности, не оставляя следа.

— Это держит пулю? — переспросил он, уже зная ответ.

— Держит. Не всегда. Но часто. Испанские аркебузы слабее моего пистолета. Наша ткань их остановит.

— Сколько нужно времени, чтобы сделать такую ткань?

— На один панцирь — неделя. Если женщины будут работать в три смены.

— У нас есть женщины, — сказал Ицтли. — Им надоело сидеть дома и бояться.

Он повернулся к Соболеву.

— Мы сделаем твою ткань. Но мне нужны люди.

— Сколько?

— Двести. Триста. Те, кто умеет ткать. И тот, кто умеет делать нити. Химик не может работать за всех.

— Химик научит других. — Соболев кивнул. — Завтра приступим.

Ицтли вернулся к наковальне. Звон металла разнёсся по кузнице.

Раздел 5. «Плაც. Волчата Несауалья»

На плацу, где когда-то тренировались воины с обсидиановыми копьями — тысячи лет назад, когда ацтеки были просто дикарями, — теперь стояли мишени из кедровых досок, укрепленных испанскими кирасами. Ученики Несауалья — того самого тихого парня с длинными руками, который первым научился попадать из аркебузы, — учились стрелять с трёхсот метров.

Несауаль изменился. Он больше не краснел, когда Соболев хвалил его. Он стал жёстче, требовательнее, суше. Его голос гремел над плацем, перекрывая шум ветра и крики других инструкторов.

— Целься не в ствол! — кричал он, проходя вдоль строя учеников. — Целься в то, что будет через секунду! Враг не стоит на месте! Он движется! Ты должен двигаться с ним!

Учеников было сто двадцать — парни от двенадцати до двадцати. Несауаль не брал младше двенадцати — они ещё не умели держать аркебузу. Двенадцать — это возраст, когда мальчик становится мужчиной. Или трупом. Несауаль знал это по себе — он сам был таким, когда начал воевать.

Они слушались. Кто-то уже сбил мозоли на пальцах до крови, кто-то нюхал порох до головокружения. Никто не жаловался. Потому что Несауаль стрелял лучше всех — он мог попасть в монету с пятидесяти шагов, и потому что он не прощал слабости.

Один парень, пятнадцати лет, заплакал после того, как не попал в мишень пять раз подряд. Несауаль поставил его чистить выгребные ямы. Три дня. Парень вернулся злой, молчаливый, с горящими глазами. И больше никогда не плакал.

Увидев Соболева, Несауаль подошёл, козырнул — жест, который он перенял у своих наставников.

— Командир, — сказал он. — У нас проблема.

— Какая?

— Патроны. Кончаются. Если будем стрелять каждый день — через месяц останемся с голыми руками. Химик говорит, что может делать триста патронов в день. Но это для пушек и для ружей.

— Возьми у Ицтли свинец. И порох. Химик будет работать в две смены.

— Люди устают. Химик уже неделю спит по три часа. Его руки трясутся. Он может ошибиться. Ошибка в дозе пороха — это смерть.

— Тогда возьми помощников. Тех, кто умеет считать. Пусть отмеряют порох. Пусть льют пули.

Несауаль кивнул.

— Хорошо.

— Несаяль. Тот парень, который плакал. Что с ним?

— Чистит выгребные ямы. Говорит, что это лучше, чем стрелять. Не больно.

— А ты что сказал?

— Сказал: если он будет чистить ямы до конца жизни — будет жить долго. Но не защитит никого. Только вонять будет. Он подумал и вернулся. Теперь не плачет. Стреляет плохо, но не плачет.

— Хорошо. Продолжай.

Несаяль вернулся к ученикам. Соболев постоял ещё немного, глядя, как парни заряжают, целятся, стреляют. Кто-то попадал, кто-то нет. Но никто не опускал оружие.

Раздел 6. «Оружейная. Новое слово в защите»

В отдельной мастерской работали женщины.

Их было тридцать. Они сидели за ручными станками — грубыми деревянными рамами с натянутыми нитями, челноками из кости и дерева, — переплетая полиамидные нити в ткань. Мастерская была тесной, жаркой, пахло сырой нефтью и потом. Но женщины работали молча, сосредоточенно, как будто от их рук зависела жизнь всего города.

Рядом лежали готовые панцири — короткие куртки без рукавов, застёгивающиеся на плечах кожаными ремнями. Ткань была плотной, гладкой, с характерным блеском, как у шёлка, но тяжёлой, плотной — почти металлической на ощупь.

Старшей была Чималько — женщина лет сорока с усталым лицом и быстрыми руками. Её лицо было изрезано морщинами, как старая карта, на которой отмечены все дороги жизни. Раньше она пряла хлопок для парусов — три года назад, когда ещё не было железа. Теперь она делала броню для воинов.

— Ткань держит пулю, — сказала она, не поворачивая головы.

— Покажи, — сказал Соболев.

Чималько кивнула ученице. Та надела панцирь на деревянный манекен, отошла в сторону. Соболев выстрелил из пистолета с десяти метров. Пуля ударила в ткань. Она прогнулась, но не порвалась. Пуля застряла в нитях, повиснув на них, как муха в паутине.

Чималько подошла, осмотрела дыру, провела пальцем по краю.

— Панцирь держит один выстрел. Второй может пробить. Но испанцы стреляют раз в минуту. Наши воины убьют их быстрее.

— Хорошо. Сколько панцирей в день?

— Десять. Если будет больше нитей — больше панцирей.

— Химик даст нити.

Чималько кивнула и вернулась к станку. Её пальцы задвигались быстрее, переплетая нити в сложный узор.

Соболев вышел. На улице его ждал Химик. Он выглядел ещё хуже, чем утром — глаза провалились, щёки ввалились, руки тряслись. Но он улыбался. Улыбался так, как улыбаются только безумцы.

— Кевлар — это только начало, — сказал он. — Есть ещё керамические пластины. Обжигаем глину, вставляем в карманы на панцире. Пуля разбивается о керамику. Ткань ловит осколки.

— Тяжело?

— Тяжело. Но жить будешь.

— Делай.

Химик ушёл, оставив Соболева одного.

Раздел 7. «Бамбл и логистика»

Бамбл, ямайский бармен, стал главным по снабжению. Не потому, что умел готовить — потому что умел считать и знал, кто что умеет. Он организовал кухню на берегу, под навесом

из старых парусов, где кормил рабочих, солдат и беженцев. Но его главной заботой стала не кухня — логистика.

Когда Соболев зашёл проведать его, Бамбл стоял у огромного стола, заваленного бумагами — записями, списками, расчётами. Его лицо было напряжённым, глаза бегали по строкам.

— Мистер Соболев, — сказал он, поднимая голову. — У нас проблема.

— Снова?

— Соль. Кончается. Ацтеки добывают её из озера, но она горькая. Люди жалуются. Не на вкус — на то, что кружится голова.

— Химик сказал, может очистить.

— Химик занят. Панцири, нити, порох. Ему не до соли.

— Тогда найди того, кто не занят. Кто-то наверняка знает, как выпаривать соль.

Бамбл вздохнул, потёр глаза.

— Ладно. Поищу.

— И ещё. Люди просят праздник.

— Будет праздник. Когда испанцы признают нашу независимость.

— А если не признают?

— Тогда будет другой праздник. Когда мы сожжём их флот.

Бамбл усмехнулся.

— Вы, мистер Соболев, из любой дыры сделаете праздник. Или похороны. Как получится.

Раздел 8. «Совет. Новая стратегия»

Соболев поднялся на пирамиду Уицилопочтли.

На вершине стояла статуя бога — трёхметровая, чёрная, отлитая из железа. Глаза из нефрита смотрели на город. Из рук бил пар — труба от котельной была проведена снизу. Пар шипел, клубился, делал статую живой. Боги больше не требовали крови. Боги получали пар и железо.

Яолли уже была там. Рядом — Коауак, Тлакаэлель, Монтесума (больной, но живой, сидящий в кресле, которое принесли специально для него), несколько советников.

— Ты опоздал, — сказала Яолли.

— Смотрел на город.

— Он изменился.

— Он вырос, — сказал Соболев, подходя к краю пирамиды. — Когда я впервые ступил на этот берег, здесь пахло кровью и страхом. Теперь пахнет железом и надеждой.

Тлакаэлель усмехнулся — сухо, безрадостно.

— Ты сделал нас другими. Мы больше не боимся богов. Не боимся испанцев. Не боимся смерти. Мы боимся только одного — что ты уйдёшь.

— Не уйду. Куда мне идти?

— Ты всегда можешь умереть. Смерть — тоже дорога.

— Не сегодня.

Монтесума закашлялся — долго, надрывно, с хрипом в груди.

— Ты изменил мою империю, — сказал он, когда кашель отпустил. — Ты дал нам железо. Теперь ты должен сделать больше.

— Что?

— Защитить нас. Испанцы вернутся. Ты должен сделать так, чтобы они боялись нас больше, чем мы боялись их.

— Сделаю. Или умру, пытаюсь.

Монтесума кивнул и закрыл глаз

Раздел 9. «Вечер. Тишина перед бурей»

Солнце садилось. Соболев сидел на крыше дворца, глядя на огни города. Кузницы дымили, корабли стояли на якоре, воины тренировались на плацу. Никто не молился. Все работали.

Яолли подошла, села рядом.

— Ты устал.

— Да. Но это хорошая усталость.

— Ты гордишься?

— Не я построил. Мы.

— Ты — их командир. Они смотрят на тебя.

— Знаю. Иногда это тяжело.

— А иногда — нет?

Она взяла его за руку.

— Сева сегодня сказал «папа». Не членораздельно. Неосознанно. Но сказал.

Соболев замер.

— Он не знает, что говорит.

— Он знает. Дети чувствуют.

Он смотрел на звёзды. Думал о том, что когда-то они были чужими. Теперь стали своими.

— Пора спать, — сказал он. — Завтра будет трудный день.

— Завтра всегда трудный день.

— Но послезавтра — может быть, легче.

— Не надеюсь.

— А зря. Надежда — это то, что остаётся, когда всё остальное кончилось.

Она встала и ушла к сыну.

Соболев остался один.

Раздел 10. «Чималько. Голос женщины»

Чималько работала в мастерской уже семнадцатый час подряд.

Её пальцы, когда-то нежные, теперь были покрыты мозолями и микроскопическими порезами от полиамидных нитей. Она не жаловалась. Она не умела жаловаться. Её мать жаловалась — и умерла рабством. Её бабка жаловалась — и умерла от голода. Чималько решила: она будет жаловаться только тогда, когда умрёт. А пока — работа.

Рядом с ней сидела её дочь, семнадцатилетняя Тлакаль. Она училась ткать кевлар. Пальцы у неё были тоньше, но быстрее, чем у матери. Она схватывала всё на лету. Чималько смотрела на неё и чувствовала странную смесь гордости и страха. Гордость — потому что дочь была лучше неё. Страх — потому что дочь могла умереть на войне.

— Мама, — сказала Тлакаль, не отрывая глаз от станка. — Почему мы делаем это?

— Что — это?

— Броню. Для воинов. Чтобы они убивали испанцев.

— Чтобы они не умирали. Чтобы ты не умерала.

— А если я умру?

— Тогда ты умрёшь с оружием в руках. Или с броней на теле. Это лучше, чем с цепями на шее.

Тлакаль задумалась.

— А что будет после войны?

— После войны мы будем жить.

— Как?

— Как люди. Не рабы. Не жертвы. Люди.

Чималько замолчала. Она смотрела на станок, на нити, на ткань, которая могла остановить пулю. И думала: если её дочь выживет, она будет жить в мире, который построила её мать.

В мастерскую вошёл Соболев. Он остановился у двери, глядя на женщин. Чималько подняла голову.

— Что ты смотришь, Сев? — спросила она. — Не видел, как работают женщины?

— Видел. Но не так, как вы.

— А как мы?

— Вы делаете то, что не умеют мужчины.

— Мы делаем то, что должны делать. Чтобы наши дети жили.

Соболев подошёл к станку Тлакаль. Посмотрел на её пальцы, на ткань.

— Тяжело?

— Тяжело, — ответила девушка, не поднимая глаз. — Но я хочу, чтобы мой брат вернулся с войны. И я делаю для него броню.

— Он вернётся.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я построю такой мир, в котором ему не придётся воевать.

Тлакаль посмотрела на него. Долго. Потом улыбнулась — впервые с тех пор, как он вошёл.

— Тогда я буду верить тебе. Ты не врешь.

— Откуда знаешь?

— Я вижу глаза. У лжецов глаза бегают. У тебя — нет.

Раздел 11. «Сон Соболева»

Ночью Соболев не спал.

Он лежал на койке, глядя в потолок, и слушал, как за стеной плачет Сева. Яолли укачивала его, тихо напевая старую ацтекскую песню — мелодию, которую Соболев слышал уже много раз, но никогда не запоминал.

Он закрыл глаза.

Перед ним снова встал Артём. Тот же причал. Та же чёрная вода. Те же пирамиды на том берегу. Артём стоял на краю причала, смотрел на него и молчал.

— Я не могу к тебе прийти, — сказал Соболев.

— Я знаю, — ответил Артём. — Ты там, где должен быть.

— Я хочу вернуться.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что ты нужен им. Не мне. Им.

Артём показал рукой на пирамиды, на город, на огни.

— Ты построил это. Ты не можешь уйти.

— Я не хотел строить.

— Но ты построил.

Артём улыбнулся — той же улыбкой, которую Соболев помнил с детства.

— Ты всегда делал то, что не хотел. Но делал хорошо. Иди. Они ждут.

Соболев проснулся.

За стеной Сева уже не плакал. Тишина была гулкой, как в храме.

Он встал, подошёл к окну. Город спал. Огни горели ровно, спокойно. Где-то в кузнице всё ещё стучал молот — кто-то работал в ночную смену.

Соболев посмотрел на звёзды. Потом — на свои руки. Они всё ещё были в шрамах, в мозолях. Руки строителя. Руки убийцы. Руки отца.

— Я сделаю это, — сказал он тихо. — Я построю им мир. Даже если умру.

Раздел 12. «Утро нового дня. Продолжение»

Соболев проснулся от крика петуха.

За окном уже было светло. Город просыпался — слышались голоса, стук топоров, звон металла. Сева уже не плакал — он спал на руках у Яолли, которая сидела на койке и смотрела в окно.

— Ты не спишь? — спросил Соболев.

— Нет. Смотрю на город.

— Красивый?

— Красивый. Он стал красивым.

Соболев подошёл, сел рядом. Посмотрел на сына, на жену, на город за окном.

— Мы построили это, — сказал он.

— Мы.

— А что дальше?

— Дальше мы будем защищать его. Что бы ни случилось.

Соболев кивнул.

Он встал, надел куртку, проверил «Глок». Сегодня был новый день. И впереди была война.

ГЛАВА 2

Железо и кровь

Раздел 1. «Где взять лес, чтобы строить корабли»

Проблема, о которой никто не хотел говорить вслух, встала в полный рост к концу второго года.

Лес кончался.

Кедры, которые росли в горах к западу от Теночтитлана, были хороши для озёрных судов. Лёгкие, смолистые, они не гнили в пресной воде годами. Их стволы были прямыми, как стрелы, и древесина легко поддавалась обработке — ацтекские плотники могли выстругать из неё доски за считанные дни. Но для океанских кораблей кедр не годился. Слишком мягкий, слишком пористый. Волны разбивали такой корпус за два-три сезона, разбалтывая соединения, вымывая смолу из стыков. А черви-древоточцы, которых в озере не было, в океане точили кедр за месяц, превращая днище в решето.

Нужен был дуб. Твёрдый, тяжёлый, с плотной древесиной, которая держит удар волн и не рассыпается от соли. Дуб, из которого испанцы строили свои галеоны, которые выдерживали штормы и пушечные ядра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.